

О національномъ воспитаніи.

1.

Объ одной сторонѣ національнаго воспитанія — о необходимости бороться съ денационализацией молодежи — пишутъ и говорятъ такъ много, что едва-ли здѣсь нужно было бы добавлять что либо. Хотѣлось бы только подчеркнуть еще разъ, что денационализация молодежи вовсе не ограничивается сферой языка, что отходъ отъ Россіи, потеря «русскости» можетъ принимать опасныя формы, даже если дѣти еще хорошо говорятъ по-русски. Объ этомъ я говорилъ въ своемъ докладѣ *) на Педагогическомъ Съѣздѣ въ Парижѣ (19-20 мая с. г.) и не буду повторяться.

Но мнѣ хотѣлось бы подойти къ иной — положительной — сторонѣ національнаго воспитанія. Въ чемъ его основная суть, его сердцевина, его вдохновляющая идея — и именно въ наши дни, среди эмиграціи? Среди самой молодежи ростъ ихъ національнаго сознанія выражается обыкновенно въ развитіи въ нихъ психологіи «активизма», въ яркомъ цвѣтеніи «героической» настроенности. Б. Коверда часто является какъ бы идеаломъ для современнаго юноши, — и, чѣмъ ближе эмиграція къ Россіи, тѣмъ ярче это сказывается у молодежи. У русской молодежи во Франціи это настроеніе представлено слабо, но оно сильнѣе въ Чехіи, въ Югославіи, еще ярче въ Польшѣ... Что сказать объ этомъ явленіи? Я думаю, что оно правильно намѣчаетъ самую сердцевину, самую основную задачу національнаго воспитанія: весь его смыслъ, его цѣнность въ томъ именно и заключается, чтобы въ молодежи зазвучалъ и окрѣпъ «категорическій императивъ» посвятить свои силы на служеніе родинѣ. Национальное воспи-

таніе не есть развитіе сентиментальнаго поклоненія Россіи и ея культурѣ, не есть накопленіе знаній о Россіи, вообще не можетъ видѣть свою цѣль въ развитіи національнаго романтизма: его цѣль въ томъ, чтобы развить идею служенія родинѣ и подготовить къ этому служенію. Здѣсь дано центральное и основное содержаніе національнаго воспитанія, изъ котораго уже вытекаетъ и задача познанаія Россіи и романтическаго погруженія въ нее. Знать и любить родину нужно потому, что должно служить ей: тамъ, гдѣ познаніе родины или любовь къ ней хотятъ опредѣлить себя, какъ самодовлѣющій путь, какъ самостоятельная цѣнность; тамъ происходитъ глубочайшій подмѣнъ, нарушеніе іерархіи идей. Служеніе родинѣ есть здоровое и творческое ядро національнаго сознанія — внѣ этого неизбежно возникаетъ дурной и безответственный, лѣнивый и лукавый романтизмъ.

Ставя такимъ образомъ въ основу всего національнаго воспитанія моральную идею служенія, я вовсе не хочу своими критическими замѣчаніями о романтизмѣ ослабить значеніе національнаго эроса, того энтузіазма и воодушевленія, которые въ своемъ источникѣ восходятъ къ чистой любви къ родинѣ. Не является ли служеніе родинѣ производнымъ и вторичнымъ въ такомъ случаѣ? Не важнѣе ли всего, чтобы въ душѣ нашей горѣла чистая, вдохновляющая насъ любовь, какъ глубочайшее выраженіе непоколебимой связи нашей съ родиной? Эросъ національный не есть эстетическое любованіе, не есть платоническое поклоненіе родинѣ, но есть живое и творческое устремленіе къ ней. Въ эросѣ есть не только восторгъ, но и вдохновеніе, не только видѣніе красоты въ родинѣ, но и невозможность отойти, отдѣлится отъ нея. Эросъ есть не пассивное созерцаніе, не мистическое упоеніе, но творческое движе-

*) Онъ напечатанъ въ послѣдней книжкѣ «Русская Школа за Рубежомъ», только что вышедшей въ свѣтъ (номеръ 32).

ніе слиться съ родиной, нѣкія крылья, которыя уносятъ насъ къ родинѣ, требуютъ всецѣлой самоотдачи ей. Въ эросѣ есть «томленіе», есть тоска о любимомъ, невозможность пребывать внѣ его, быть одному... А если это такъ, не выражаетъ ли идея національнаго эроса самое существенное и глубокое содержаніе національнаго сознанія и не должна ли именно она быть положена въ основу національнаго воспитанія?

Скажу прямо: идея эроса, правильно понятая и нашедшая цѣлостное выраженіе, конечно, ведетъ къ служенію родинѣ. Быть можетъ, именно наличность національнаго эроса отдѣляетъ службу родинѣ отъ служенія ей. Но я нарочно подчеркнулъ, что это такъ, если идея національнаго эроса будетъ правильно понята и найдетъ всецѣлое свое выраженіе. Между тѣмъ, жизнь и исторія показываютъ намъ на каждомъ шагу безчисленные примѣры вырожденія національнаго эроса въ лукавый и бесплодный романтизмъ. Въ эмиграціи сейчасъ много, конечно, вынужденнаго «романтизма», — ибо въ чемъ и какъ можно проявить свою активность сейчасъ? Есть теченія, которыя питаются мечтой объ активности, но есть и трезвыя теченія, которыя сгораютъ въ своей любви, не имѣя под-

линныхъ и реальныхъ путей служенія родинѣ. Идея служенія именно въ наше время, въ нашихъ эмигрантскихъ условіяхъ, является поэтому охраняющей силой, безъ которой эросъ вырождается въ романтизмъ. Молодежь наша — по совокупности всѣхъ условій ея жизни теперь — не можетъ и не хочетъ быть романтической, — и любовь къ Россіи, національный эросъ, только въ томъ случаѣ можетъ быть для нея творческимъ, если будетъ отчетливо соединенъ съ идеей служенія родинѣ. Моральный аспектъ эроса и есть эта идея служенія, и мы не должны противопоставлять національный эросъ и идею служенія: они едины, они внутренне связаны. Но эросъ, безъ идеи служенія, можетъ выродиться въ романтизмъ, а по нежизненности романтизма можетъ просто развѣяться. Национальное воспитаніе должно пробуждать національный эросъ и оформлять его идеей служенія родинѣ: такъ можно формулировать его задачи. Но каковы же пути національнаго воспитанія? Здѣсь такъ легко впасть въ упрощенное и поверхностное рѣшеніе вопроса... Но объ этомъ намъ хочется говорить подробнѣе, и мы отложимъ это до слѣдующаго раза.

В. В. Зѣньковскій

О русской молодежи.

Въ этой замѣткѣ я хочу коснуться отношеній нашей зарубежной молодежи какъ къ самой Россіи, такъ и къ мѣсту своему въ этомъ русскомъ мірѣ, пользуясь матеріалами одной анкеты, которую нашъ кабинетъ провелъ въ прошломъ году почти вездѣ въ Европѣ.

Эта анкета производитъ очень цѣльное впечатлѣніе своимъ однообразнымъ характеромъ и культурнымъ уровнемъ лицъ, въ ней участвовавшихъ. Въ ней много безсилія, сухости и безталанности, но чѣмъ больше видишь въ ней этого однообразія, тѣмъ легче (и въ то же время тяжелѣе) вѣрить ея правдѣ.

Надо отмѣтить прежде всего, что встрѣча съ заграницей произвела на нашу молодежь потрясающее впечатлѣніе и произвела почти невыносимую ломку. Отпечатокъ именно ломанности вслѣдствіе встрѣчи двухъ различныхъ культурныхъ міровъ — Россіи и Запада — лежитъ на молодежи. Ломка эта

яснѣе всего сказывается въ настроеніяхъ, въ увлеченіи многими чертами западной жизни съ добавленіемъ протеста противъ того русскаго, чѣмъ не владѣетъ и не овладѣваетъ наша молодежь за границей. За границу, кромѣ своего русскаго происхожденія, они не увезли никакого запаса для себя: Россія для нихъ есть довольно отвлеченное средоточіе ихъ идеала, конкретно же это почти ничто. Жизнь въ Россіи кажется жизнью въ какой-то пустынѣ... ничего общаго вообще съ жизнью не имѣющей. Отсюда чувство и опасеніе не реальности культурнаго русскаго міра, — западный же міръ, наоборотъ, потрясаетъ своей реальностью, конкретностью во всемъ, — начиная съ религіи. Увлекаетъ естественность и историчность всѣхъ здѣшнихъ формъ жизни (у насъ разрушенная революціей), последовательность слова и дѣла. Восхищаетъ возможность примитивно разрѣшать вопросы жизни, восхищаетъ возможность жить безъ